

Антонио Негри, Данило Дзоло

Империя и множество

ДИАЛОГ О НОВОМ ПОРЯДКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Antonio Negri, Danilo Zolo

Empire and the Multitude: A Dialogue on the New Order of Globalization

Данило Дзоло: Я долго сопротивлялся звучавшим с разных сторон призывам публично обсудить «Империю» — книгу, которую ты написал в соавторстве с Майклом Хардтом и которая вызвала споры исключительного размаха и накала по обе стороны Атлантики. Меня останавливало чувство бессилия перед настолько сложным, смелым, обширным произведением. Пытаться дать подобному труду — свой подход вы определяете как «широкий междисциплинарный»¹ — критическую оценку в какой-то степени означает разделять теоретические притязания, побудившие вас написать его. Но я преодолел свою первоначальную нерешительность, придя к убеждению, что после 11 сентября безответственно было бы не отнестись к такой книге, как «Империя», со всей серьезностью. Эта книга, что бы о ней ни думали, вкладывает огромное количество интеллектуальных ресурсов в попытку лучше понять мир, в котором мы живем, обличает злодеяния и риски существующего «глобального порядка» и стремится указать пути его преодоления. Уже хотя бы поэтому «Империя» заслуживает, на мой взгляд, своего международного успеха.

Антонио Негри: Спасибо. Факт остается фактом: вдобавок к налету «банальности», сопровождавшему книгу с самого начала (как будто это не книга, а фильм), она уже устаревает из-за темпа развития событий. «Большой нарратив», который способствовал успеху книги, облегчив ее восприятие в американских кампусах после Сизэтла, а затем и во всем мире, особенно в Германии, оказался созвучен людским ожиданиям. После 1980-х, после различных поражений в борьбе, после триумфа «слабого мышления» требовалась встряска: ее-то и устроила «Империя».

Д.Д.: Такой трудной «Империю» делают не только объем и тематический охват, но и чрезвычайная оригинальность ее философского и политико-теоретического синтаксиса. Он преобразовывает некоторые фундаментальные марксистские категории, вводя в них элементы самых разных традиций западной философии: классических, модернистских и современных. Ведущую роль в этой концептуальной трансформации играет постструктурализм таких авторов, как Жиль Делёз, Жак Деррида и особенно Мишель Фуко. Однако у меня сложилось впечатление, что вдумчивое и взыскательное прочтение «Империи», которого она, безусловно, заслуживает и к которому побуждает, неминуемо ведет к противоречивым интерпретационным результатам. При всей

1 Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Практика, 2002. С. 15.

уверенности нередко прескриптивного тона книги читатель рискует вынести из нее больше теоретически неясного, чем ясного.

А.Н.: И мне это нравится. В «Империи» мы с Майклом Хардтом хотели избежать жестких и поспешных выводов. В конце концов, формирующие Империю процессы во многом еще продолжаются. Мы стремились подчеркнуть необходимость смены регистра: история политической философии современности (а также институтов, с которыми она взаимодействовала) подошла к концу. Теория, ведущая от Марсилио к Гоббсу и от Альтузия к Шмитту, завершена. «Империя» знаменует собой новый теоретический рубеж.

Д.Д.: Философия Маркса и философия Фуко, если выразиться очень сжато, суть расходящиеся теоретические векторы: марксизм рисует картину сплоченного, эгалитарного, дисциплинированного, органичного общества, тогда как Фуко резко и радикально критикует дисциплинарную власть, отдавая предпочтение индивидуалистической и либертарианской антропологии.

А.Н.: Мы пытались совместить Фуко и Маркса. Или, вернее, о моем развитии можно сказать, что я «прополоскал одежду»² в водах Сены, скрестив мой операизм — мой «рабочизм» — с перспективой французского постструктурализма. Осуществлять это я начал еще в тюрьме (с 1979 по 1983 год), где работал над книгой о Спинозе, чья философия оказалась идеальной средой для этой онтологической встречи. Впоследствии мы с Хардтом, оба находясь в Париже, углубили этот анализ и погрузились в ту общую «ауру», которая с конца 1960-х годов, пусть и не получая должного признания, связывала операизм с постструктурализмом и разными тенденциями в широком поле исследований подчинения (subaltern studies) и других постколониальных подходов. Для меня, во всяком случае, это был переломный момент: я осознал тогда, что итальянский операизм отнюдь не провинциален. В 1980-е годы это убедительно доказала Спивак, выпустив сборник субальтерных исследований. Делёз и Гваттари уже признали это влияние в «Тысяче плато». В указанном контексте мы считаем предложенное Фуко прочтение Маркса, расширяющее генеалогию процессов эксплуатации от фабрики до социальной сферы, фундаментальным. В нашей интерпретации (которая отличается от твоей) Фуко — автор антропологии, конечно, либертарианской, но не индивидуалистической; он конструирует биополитику, в которой формируется не индивид, а субъект (и с какой сингулярностью!). Что касается нас, то в Париже рубежа 1980—1990-х годов мы осознали, что находимся в постмодерне, в новой эпохе. Кроме того, мы были и остаемся убеждены, что Маркс вполне совместим с аналитическими методологиями постмодерна. Всегда есть момент, когда принимается решение в пользу чего-то нового и сильного. Какое наслаждение покончить с бледными химерами модерна, с Ролзом и Хабермасом! И теперь можно с превеликим энтузиазмом утверждать вместе с Макиавелли (и всеми остальными), что классовая борьба, *mutatis mutandis*, управляет мышлением...

2 Отсылка к выражению Алессандро Манзони: отправляясь во Флоренцию для работы над романом «Обрученные», он пишет матери, что едет «прополоскать одежду в водах Арно» (sciacquare i panni in Arno), то есть познакомиться с живой разговорной речью флорентийцев. — *Примеч. пер.*

Д.Д.: Прежде чем перейти к обсуждению главных тем «Империи», я должен признаться еще кое в чем. Идея подступиться к трактату, авторы которого провозглашают себя «коммунистами», по-прежнему доставляет мне дискомфорт, тем более что в числе своих объяснительных моделей они называют «Капитал» Карла Маркса. Лично я с глубоким уважением отношусь к теоретическому марксизму прошлого столетия и с куда меньшим — к опыту «реального социализма», заявлявшего о своей ему приверженности. Однако сегодня я не склонен благожелательно смотреть на возвращение к марксистской философии или ее переосмысление, каким бы новаторским и критическим по форме оно ни было. Лично я покончил с теоретическим марксизмом почти тридцать лет назад — помню, в частности, наши с тобой бурные дискуссии на эту тему — и, помоему, вполне искренне. Я отошел от марксизма, потому что не смог принять три его теоретических столпа: диалектическую философию истории с ее «научными законами» развития; трудовую теорию стоимости как основу критики капиталистического способа производства и предпосылку коммунистической революции; теорию отмирания государства и сопутствующий отказ от главенства права и прав личности. Твой же коммунизм — при всем богатстве мотиваций — по-прежнему выглядит ограниченным марксистской ортодоксией.

А.Н.: Со времен тех споров тридцатилетней давности многое изменилось. Однако если бы марксизм можно было свести к трем теоретическим столпам, которые ты перечислил, то я не был бы марксистом (да и тридцать лет назад, думаю, тоже не был бы). Но ты, как мне кажется, вместе с более или менее грязной, часто еще и в переносном смысле, водой выплескиваешь ребенка. Я же хочу, напротив, возродить марксизм, который для меня есть синоним модернистского материализма как выражения критической тенденции, тянущейся через эпоху модерна и всегда подвергавшейся нападкам: это путь, который ведет от Макиавелли к Спинозе и далее к Марксу. Для меня восстановление и обновление марксизма имеют такое же огромное значение, какое в первые века истории христианства имела святоотеческая апологетика: состоит оно в «возвращении к началам» в том смысле, какой придавал этому диспозитиву Макиавелли. Чтобы продвигаться в этом направлении, мы должны развить некоторые ключевые пункты марксистской теории: в противовес диалектике истории выработать нетелеологическую теорию классовой борьбы; выйдя за рамки трудовой теории стоимости, продолжить анализ валоризации при помощи идеи *всеобщего интеллекта* (general intellect) в период полного (реального) подчинения общества капиталу; что касается теории государства, то в критике суверенитета (как точки совпадения экономического с политическим) необходимо выделить центральный момент проявлений эксплуатации, мистификации и уничтожения прав субъекта. Маркс, хотя и предлагал осуществить это, не оставил нам ни книги о классовой борьбе, ни — ее особенно недостает — книги о государстве. В сущности, отсутствующая в «Капитале» книга о государстве и могла быть написана лишь тогда, когда пространство суверенитета охватит весь мир, — то есть когда станет возможным противопоставить Империи множество. Единственное национальное государство, о каком мог вести речь Маркс, являло собой мешанину из элементов Средневековья и модерна, в которую даже капиталистическое развитие с трудом прокладывало себе путь. Проблему государства мог поставить только интернационалистический международный пролетариат. Многие препятствия на

пути развития марксистской теории права и государства связаны с границами капиталистического развития, а не с самим Марксом. Лишь сегодня, когда капитал наступает и структурируется на мировом рынке, революционная теория может правильно подойти к проблеме государства.

Империя или империализм?

Д.Д.: Наиболее удачна, по-моему, часть «Империи», где утверждается необходимость нового «стратегического» осмысления структуры и функций процессов глобальной интеграции, — та, в которой затрагивается само понятие «империя». Вы с Хардтом явно считаете, что навязанный глобализацией новый миропорядок привел к исчезновению Вестфальской системы суверенных государств. Нет больше национальных государств, кроме бледных формальных структур, которые пока что сохраняются с опорой на правовой порядок международных институтов. Мир больше не управляется политической системой государств: им управляет единая структура власти, не допускающая существенных аналогий с модерным государством европейского происхождения. Политико-нормативная основа этой децентрализованной и детерриториализованной политической системы, не имеющей отношения к национальным или этническим традициям и ценностям, — космополитический универсализм. Поэтому вы полагаете, что «империя» — наиболее подходящее название для этого нового типа глобальной власти...

А.Н.: Следует добавить, что мы отнюдь не ностальгируем по национальным государствам. Более того, нам кажется, что эти реальные и концептуальные процессы, которые ты так превосходно описываешь, вызваны силами борьбы рабочих, антиколониальной борьбы и, наконец, борьбы против социалистического управления капиталом — и за свободу — в странах «реального социализма». Именно эти движения преобладали в последней трети XX века.

Д.Д.: Поэтому неправильно думать, что Империю — или ее центральное расширяющееся ядро — составляют Соединенные Штаты и их ближайшие западные союзники. Ни Соединенные Штаты, ни какое-либо другое национальное государство, подчеркивается в вашей с Хардтом книге, «на сегодняшний день не способны стать центром империалистического проекта»³. Таким образом, глобальная Империя есть нечто принципиально отличное от классического империализма, и путать их было бы серьезной теоретической ошибкой. Я правильно интерпретирую вашу позицию?

А.Н.: Правильно. Я хотел бы добавить, что вся опасность ориентации нарождающегося «движения движений» на национальные государства стала особенно очевидной в Порту-Алегри. Если дело примет такой оборот, сомнительные формы национализма и популизма станут элементами антиглобалистского движения. Антиамериканизм и вера в национальные государства почти всегда идут рука об руку. Эта последняя путаница, унаследованная от социализма

3 Хардт М., Негри А. Империя. С. 13.

третьего мира, всегда казалась мне столь же серьезной девиацией, сколь и советский марксизм.

Д.Д.: Это момент весьма щекотливый, вызвавший многочисленные сомнения, которые я отчасти разделяю. В вашей книге Империя растворяется в некоей «категории духа»: она вездесуща, как Бог, поскольку совпадает с новым глобальным измерением. Однако можно было бы возразить, что если все имперское, то нет ничего имперского. Как определить наднациональные субъекты, являющиеся носителями имперских интересов и устремлений, чтобы сделать их мишенями глобальной борьбы? На кого обрушивать антиимпериалистическую критику и кому сопротивляться, если государства и их политические силы не те враги, на которых надо сосредоточиться? Что это за Империя, которая не осуществляет военно-политическую власть? Выражает ли она себя исключительно при помощи инструментов экономического или хотя бы идеологического контроля?

А.Н.: Процесс построения Империи продолжается. Империя — это предел, к которому стремятся инструменты глобального капитала: суверенные, экономические, военные, культурные и т.д. На текущем этапе Империя в основе своей характеризуется огромным напряжением между экономическим *не-местом* и рядом глобальных (пусть и частных с точки зрения суверенитета) инструментов, используемых коллективным капиталом. Ты справедливо заметил, что если все имперское, то нет ничего имперского. Однако мы, следуя примеру Полибия, выделяем определенные места или формы имперского правления: монархическую функцию, которую приписали себе правительство Соединенных Штатов, страны «Большой восьмерки» и другие денежные институты; аристократическую власть транснациональных корпораций, расширяющих свою сеть на мировом рынке. Хотя глобальное движение множества (зародившееся после Сиэтла) действительно проявило неуверенность в попытке определить пункты, которые следует критиковать и которым следует сопротивляться в условиях нескончаемого производства нищеты и изоляции, а также применения военной силы в ответ на протесты, сами эти пункты вполне реальны и состоят в искажении экономического развития, в разрушении планеты Земля и нарастающих попытках присвоить то «общее» для всего человечества, что есть между землей и небом... Парадоксальность настоящего момента (и примечательность ситуации) в том, что Империя сможет сформировать свои структуры лишь *в ответ* на борьбу множества: но весь этот процесс являет собой столкновение сил в духе Макиавелли. Мы находимся в самом начале «Тридцатилетней войны»; в конце концов, кристаллизация современного государства длилась не меньше.

Д.Д.: Вы утверждаете, что «устройство Империи» по своим функциям отличается от устройства национальных государств: цель имперского суверенитета не в территориально-политическом поглощении или ассимиляции подчиненных стран и народов, как это было в случае с империализмом и колониализмом национальных государств в XVIII—XIX веках. Новое имперское господство осуществляется при помощи политических институтов и юридических аппаратов, чья задача, по сути, состоит в поддержании глобального порядка — то есть «стабильного и всеобщего» мира, обеспечивающего нормальное функ-

ционирование рыночной экономики. В нескольких местах вы указываете на функции «международной полицейской власти» и даже на судебные функции, выполняемые Империей. Я с вами, в принципе, согласен, но с одной оговоркой: кто же осуществляет эти имперские функции, как не военно-политический аппарат великих западных держав, прежде всего США?

А.Н.: Не вижу ничего странного в том, что для обеспечения глобального порядка посредством стабильного и всеобщего мира Империя применяет все военно-политические инструменты, которые есть в ее распоряжении. Клика Буша, выступая с заявлениями о мире, ежедневно ведет военные действия. Однако мы не должны путать клику Буша и используемый им военно-политический аппарат с правительством Империи. Я полагаю скорее, что нынешние *империалистические* идеология и практика правительства Буша быстро приближаются к столкновению с другими капиталистическими силами, которые на глобальном уровне работают на Империю. Ситуация совершенно открытая. Дальше по ходу нашей беседы мы еще вернемся к вопросу о войне как об особой форме имперского контроля. А пока достаточно подчеркнуть, что на уровне Империи военные и полицейские функции все хуже поддаются разграничению. И все же, оставляя некоторые оценки и аргументы на потом, опять-таки хочу подчеркнуть: на нынешнем этапе критического определения нового мироустройства антиамериканизм — позиция слабая и мистификаторская. Антиамериканизм путает американский народ с американским государством. Он не осознает, что Соединенные Штаты встроены в глобальный рынок точно так же, как Италия и Южная Африка, и что политика Буша — политика небольшого меньшинства в рамках глобальной аристократии транснационального капитализма. Антиамериканизм — опасное умонастроение, идеология, которая размывает аналитические данные и загушевает ответственность коллективного капитала. Нужно дистанцироваться от этого точно так же, как мы в конце концов отказались от американизма фильмов Альберто Сорди.

Д.Д.: Вы утверждаете, что имперский правовой порядок по сути выполняет юрисдикционную или квазисудебную арбитражную функцию и что фактор этот отнюдь не второстепенен. Субъекты даже апеллируют к имперской власти из-за ее способности разрешать конфликты с универсальной точки зрения, то есть нейтрально и беспристрастно. Важно также (как вы проницательно отмечаете в книге), что после долгого упадка средневековая доктрина *bellum justum*, типично универсалистская и имперская, в последнее десятилетие переживает новый расцвет. Я вполне согласен с вашим анализом, не в последнюю очередь потому, что он развивает тезисы, которые я выдвигал несколько лет назад, например в «Космополисе». Но я настаиваю на том, что смысл этот анализ обретает только в том случае, если «устройство империи» понимается как устройство политическое, что сегодня по-прежнему означает, как правило, устройство и властную структуру государственной формы. Как таковая она имеет функции «принуждения к миру», но также прибегает к классическим формам агрессивной войны. Полагаю, не может быть никаких сомнений в том, что сегодня Соединенные Штаты — то есть когнитивные, коммуникативные, экономические, политические и военные силы, сосредоточенные в геополитическом пространстве американской сверхдержавы, — выступают главным двигателем этого глобального стратегического проекта, как бы его ни назы-

вали: «гегемонистским» ли, как предпочитаю я, или «имперским», как предпочитаете вы, или каким-нибудь еще.

А.Н.: Я не согласен. Я правда не могу понять, как ты (учивший нас в своих книгах, от «Космополиса» до «Взывая к человечности»), что политические и правовые категории модерна были не только поруганы, но и окончательно растоптаны) можешь выдвигать такое определение текущего процесса управления мировым рынком, которое все еще опирается на модернистские категории империализма. Теперь моя очередь задать несколько вопросов: что власть государства означает теперь, перед лицом *lex mercatoria* — то есть существенной модификации международного частного права, в которой законодателями, несомненно, выступают уже не национальные государства, а *юридические фирмы*? Далее, что касается международного публичного права: как в этой ситуации не испытывать сожаления при виде беспомощных попыток возродить ООН? Дело в том, что разговор о Соединенных Штатах как о движителе глобального стратегического империалистического проекта влечет за собой всевозможные противоречия, особенно если приписывать правительству Соединенных Штатов исключительное господство (подразумеваемое модернистскими теориями национального суверенитета и империализма).

Д.Д.: На мой взгляд, факт распространения господства и влияния Соединенных Штатов на весь мир до такой степени, что они, как утверждается в Четырехлетнем обзоре оборонной политики Госдепартамента США, стали «глобальной державой», не противоречит тому обстоятельству, что в территориальном и культурном смысле власть эта сосредоточена в Соединенных Штатах и на символическом уровне тоже может быть отождествлена с американской сверхдержавой. Ясно выразил это и террористический акт 11 сентября: он должен был ударить по символам экономической, политической и военной мощи Соединенных Штатов как новой имперской державы. Кроме того, нельзя упускать из виду тот факт, что на сегодняшний день Соединенные Штаты еще и центр телевизионной, информационной и шпионской⁴ сети, опутывающей весь мир.

А.Н.: Я не сомневаюсь в том, что Соединенные Штаты действительно «глобальная держава», я лишь настаиваю на другой идее: что власть Соединенных Штатов подчинена экономическим и политическим структурам (или, по крайней мере, вынуждена вести с ними диалог или конкурировать), отличным от нее самой. Террористический акт 11 сентября, среди прочего, был еще и демонстрацией открытой гражданской войны между силами, претендующими на структурную представленность в имперском устройстве. Те, кто разрушил башни-близнецы, — те же самые «командиры» наемнических армий, нанятых для защиты нефтяных интересов на Ближнем Востоке. Они не имеют никакого отношения к множествам: они суть внутренние элементы складывающейся имперской структуры. Ни в коем случае нельзя недооценивать гражданскую войну, идущую на уровне Империи. Думаю, можно сказать, что американское

4 Переводчики на английский смягчили фразу, используя слово «разведывательной» (*intelligence*), но в итальянском варианте говорится именно о шпионской сети (*spionistica*). — *Примеч. пер.*

лидерство серьезно подрывается именно периодическим выражением этих империалистических тенденций. Ясно, что в арабском, европейском и социалистическом мирах, не говоря уже о том «другом континенте», который называется Китаем, тенденции эти неприемлемы. Подавляющая мощь американских вооруженных сил во многом, как мы знаем, нейтрализуется невозможностью использования ее ядерного потенциала. И это хорошая новость. Кроме того, с валютной точки зрения Соединенные Штаты становятся все более уязвимыми и ослабленными на финансовом рынке — и это еще одна отличная новость. Иными словами, весьма вероятно, что Соединенным Штатам скоро придется отказаться от империализма и признать себя частью Империи.

Д.Д.: Все мы, разумеется, знаем, что крупные корпорации, включая принадлежащие к новой экономике, действуют согласно стратегиям, во многом независимым от политического руководства государств, что верно и в отношении Соединенных Штатов. Транснациональные корпорации становятся все могущественнее благодаря способности как резко сокращать затраты на оплату труда, так и обходить фискальные требования национальных государств. Но, как убедительно показали Пол Хёрст и Грэм Томпсон в книге «Исследуя глобализацию» («Globalization in Question»), между экономической политикой индустриальных держав и экономическими/финансовыми стратегиями корпораций, чьи штаб-квартиры находятся в их геополитическом пространстве, по-прежнему действует сложная синергия. Президент Соединенных Штатов избирается при финансовой поддержке транснациональных корпораций, — я имею в виду нефтяную, оружейную и табачную промышленность, — которые затем влияют на решения администрации. Однако же очевидно, что крупные компании выполняют лишь весьма косвенные политические функции, что они не могут обойтись без посредничества административно-политической — и особенно военной — власти государств.

А.Н.: Участие транснациональных корпораций в выборах американского президента — аргумент в пользу Империи. Изложенное тобой кажется мне вполне приемлемым. К книге Хёрста и Томпсона я добавил бы книгу Миттельмана, дабы подчеркнуть всю сложность синергии между отдельными агентами, а также иерархии имперских пространств. Вместе с тем я полагаю, что автономия капиталистических стратегий все еще достаточно широка и, как бы то ни было, во многом независима от национальных государств. Я мыслю не как ленинец, а как заправский макиавеллист, когда, например, думаю о том, что сегодня единственный конкретный и реалистичный способ свергнуть шайку Буша лежит через посредство аристократической власти транснациональных корпораций. Это желательно, поскольку предоставило бы движению глобальных множеств время и пространство для того, чтобы содействовать формированию демократической власти внутри Империи.

Имперская диалектика

Д.Д.: Есть еще один аспект вашей теории Империи, который я нахожу сомнительным. Я приписываю этот аспект имплицитной «онтологии» (пользуясь вашим термином), выступающей метафизическим контрапунктом вашему

анализу: это диалектика истории, типичная для гегельянского марксизма и для ленинизма. По вашей мысли, глобальная Империя представляет собой позитивное преодоление Вестфальской системы суверенных государств. Положив конец государствам с их национализмом, Империя также покончила с колониализмом и классическим империализмом и открыла космополитическую перспективу, которую следует приветствовать. Любая попытка восстановить роль национальных государств в противовес нынешнему имперскому мироустройству была бы проявлением идеологии, которая «не только ошибочна, но и вредна»⁵. А потому философия антиглобалистского движения и любые формы натуралистского энвайронментализма и локализма должны быть отвергнуты как позиции примитивные и антидиалектические или, иными словами, по сути своей реакционные. Даже к так называемым людям Сизэгла и связанной с ними сети неправительственных организаций (НПО) вы выражаете мало симпатии.

А.Н.: Не думаю, что такие обвинения в наш адрес состоятельны. Как знает всякий прочитавший книгу (а ты ее, конечно же, прочитал), любую диалектику мы отвергаем в пользу классовой борьбы. Именно классовая борьба (диспозитив в духе Макиавелли: открытый, неопределенный, ателеологический и рискованный) составляет основу нашего метода. Ничего диалектического здесь нет, если только не использовать этот эпитет для обозначения любого аналитического подхода к историческому развитию. Наш нарратив говорит о конкретном телесе, об опасностях на пути человеческой борьбы с эксплуатацией за счастливую жизнь и искоренение страданий. Поэтому наша политическая проблема заключается в том, чтобы предложить адекватное пространство для любой борьбы, начинающейся снизу. В этой системе координат нет места ностальгии и защите национального государства, чье абсолютное варварство убедительно доказали Верден, бомбежки Дрездена, Хиросимы и (если позволишь) Освенцим. Не представляю, как можно не считать идеологию национального государства ошибочной и вредной. Сети движения движений, как и все, что происходит в мире свободно, напротив, поливалентны: они пересекаются и могут без труда построить единое движение. Любая попытка препятствовать этому единению и, соответственно, признанию *общих* целей реакционна или, вернее, выражает действия сектантские и враждебные. Философия антиглобализма и сизэглское движение носят характер интернационалистический и глобальный. Что до нашей антипатии к иным НПО (которую эти движения по большей части разделяют), то ее не следует путать с антипатией к добровольческому сектору или к методам новой воинственности.

Д.Д.: Коммунисты, говорите вы, по призванию универсалисты, космополиты, «католики»; их горизонт — горизонт всего человечества, «общей человеческой природы», как говорил Маркс. На протяжении прошлого столетия, как вы помните, трудящиеся массы неизменно уповали на интернационализацию политических и социальных отношений. Поэтому вы утверждаете, что глобальные силы Империи следует контролировать, а не уничтожать: имперское устройство надо сохранить и направить на достижение других целей. Даже

5 Хардт М., Негри А. Империя. С. 55.

если полицейские технологии действительно составляют ядро имперского порядка, порядок этот, по вашим словам, не имеет ничего общего с практиками диктатуры и тоталитаризма прошлого века. С точки зрения перехода к коммунистическому обществу построение Империи — шаг вперед: Империя, как вы говорите, «лучше» того, что ей предшествовало, потому что «избавляется от жестоких режимов власти, присущих современности»⁶, и «предоставляет большие возможности созидания и освобождения»⁷. Не могу разделить этот диалектический оптимизм очевидного гегельянско-марксистского толка.

А.Н.: Не думаю, что справедливо называть нашу позицию позицией диалектического оптимизма. Вместе с тем ясно, что в этом вопросе диалектики ты не примиришь. Диалектично все, что тебе не нравится. Поэтому позволь предложить автора, который уж точно не диалектик, однако способен смотреть вперед: Спинозу. Оптимизм в философии Спинозы не имеет ничего общего с гегелевским его пониманием: он связан со свободой и радостью избавления от рабства... Но оставим святых в покое. Я предпочитаю простых смертных⁸. То есть множества — многообразие сингулярностей, уже смешанное, способное к нематериальному и интеллектуальному труду, обладающее огромным потенциалом свободы. Это не диалектика, а фактуальный и точный социологический анализ трансформации труда, его организации и вытекающей отсюда политической субъектности. Не могу поверить, чтобы глобальной мобильности и темпоральной гибкости жизни и труда ты предпочитал архаичные крестьянско-ремесленнические традиции, воплощенные в бесплодных мифах, или страдания закованных в цепи рабочих масс. На мой взгляд, расширение жизненных перспектив, обогащение моральной и интеллектуальной жизни трудящихся — это нечто благое. Именно здесь Империя есть благо *в себе*. Но станет ли она благом еще и *для себя* — уже другой вопрос, и решающее слово здесь должны сказать общественные движения, а не Geist. Кроме того, движения, позиционирующие себя как антагонистические в условиях складывания Империи, не выдвигают притязаний и не ставят вопросов, подобных исходящим от имперской власти. Самая интересная вещь, вытекающая на сегодняшний день из наблюдения за движениями, — отсутствие дискурса «захвата власти» в противовес формированию власти имперской. Вместо этого предлагается «исход». Негативная диалектика? Можно было бы упрекнуть меня в этом, но я не могу назвать таким именем этот колоссальный феномен дистанцирования от требований политической власти, распространившийся среди людей прежде всего молодых, среди сегодняшних множеств. Эта перемена глубже, чем даже та, которую мы отметили на уровне политических категорий при переходе от модерна к постмодерну. И нельзя забывать о том, что великие страдания ожидают этот «град человеческий», который только начинается... Таково продолжение (и в то же время преобразование) тех подчас де-

6 Хардт М., Негри А. Империя. С. 54.

7 Там же. С. 206.

8 В оригинале используется пара «santi» и «fanti», буквально Негри говорит: «Но я не хочу продолжать шутить со святыми. Предпочитаю пехотинцев». Это отсылка к итальянской поговорке «Scherza coi fanti e lascia stare i santi», буквально «Шутите с [подшучивайте над] солдатами, а святых оставьте в покое», то есть «Не смешивайте священное с профанным». — *Примеч. пер.*

мократических, подчас социалистических — и неизменно бунтарских движений, которые пронизывали эпоху модерна.

Д.Д.: Более убедительным мне кажется такой анализ постколониализма, в котором прослеживается преемственность между классическим колониализмом и текущими процессами гегемонистской глобализации — я имею в виду, в частности, субальтерные исследования. Сегодня, после перерыва в виде холодной войны и эфемерного освобождения колониальных стран от прямого политического подчинения европейским державам, Запад снова осуществляет стратегию контроля, военной оккупации, торгового вторжения и «цивилизации» незападного мира. Именно против этой стратегии направлен кровавый и бессильный ответ глобального терроризма, и недаром чуть ли не единственная его цель — Соединенные Штаты.

А.Н.: По этому вопросу могу с тобой только согласиться. От классического колониализма к современным процессам имперской глобализации тянется заметная нить преемственности. Но я был бы весьма осторожен и воздержался бы от того, чтобы называть освобождение колониальных стран эфемерным или полагать, будто карты на геополитическом столе не легли радикально иначе. Отношения между первым, вторым и третьим мирами изменились не поверхностным, а фундаментальным образом: они смешались, и теперь первый мир можно найти в самой южной точке Африки и в республиках Центральной Азии, а третий — в европейских или американских метрополиях. Если посмотреть на все это с пространственной точки зрения, то ситуация, пусть и переменившаяся, выглядит статичной; с другой стороны, если рассматривать те же самые явления и сдвиги с точки зрения их интенсивности, то (и именно об этом в первую очередь толкуют субальтерные исследования) можно увидеть преобразующую силу этих процессов — мин, разбросанных по всему земному шару. В этом отношении, хотя глобальный терроризм и является частью гражданской войны за имперское лидерство, поистине новую угрозу для глобального капиталистического порядка представляют движения сопротивления и исхода.

Д.Д.: Процессы глобализации ускорились с конца 1980-х годов, после распада Советского Союза и окончания двухполюсного миропорядка. С тех пор западные страны во главе с США начали проводить новую политику силы, которую незападные страны — особенно в исламском мире и Восточной Азии — восприняли как растущий вызов их собственной территориальной целостности, политической независимости и коллективной идентичности. Военные базы и шпионские центры Соединенных Штатов распространились по всей планете наподобие капилляров, особенно концентрируясь вокруг территорий региональных держав. Именно так, на мой взгляд, проявляют себя в эпоху глобализации новый колониализм и новый империализм, напрямую продолжая свои классические государственно-территориальные формы. Вся серия военных интервенций, предпринятых Соединенными Штатами со времен Войны в Персидском заливе, продемонстрировала растущий разрыв между военным (а стало быть, экономическим, научным и техническим) потенциалом в их распоряжении и тем, который доступен всему остальному миру. Пожалуй, никогда еще в истории человечества мощь одной-единственной страны не казалась столь подавляющей в политическом смысле и несокрушимой в военном. В этом геге-

монистском сценарии я не могу выделить ни одного конкретного элемента, который *объективно* обосновывал бы перспективу коллективной внутриимперской эмансипации, — то есть такой, которая оставила бы структуру «космополитической» власти нетронутой, не вступая в конфликт с ее универсалистскими устремлениями.

А.Н.: Если принять твоё описание ситуации, то никакой перелом, очевидно, невозможен. Преемственность старого и нового империализма, живучесть колониализма, насаждаемая Соединёнными Штатами связь между эксплуатацией и военными технологиями... Такой сценарий как будто не оставляет места для маневра: если принять это неомаркузианское видение глобализации, то сделать ничего нельзя. Для меня очевидно, что твоё положение в принципе противоречит той, которая лежит в основе анализа «Империи». На основании уже заявленных нами методологических предпосылок, — что какими бы необоримыми ни были имперские биоласти, им всегда противостоит зона биополитического конфликта и антагонизма, в которую они втягиваются, — мы не можем принять обрисованную тобой неоимпериалистическую модель. Всюду, где осуществляется биоласть, то есть способность власти распространяться на все аспекты жизни, она открывается микрофизической динамике сопротивления, и тогда нередко уже невозможно сдержать распространение конфликтов. Поэтому если посмотреть на Империю как снизу, так и сверху, то можно заметить её хрупкость и задуматься о вмешательстве в её конститутивные процессы. Кроме того, неустойчивость имперской структуры подтверждается анализом её генезиса: Империя — продукт рабочей и антиколониальной борьбы, а также восстания против сталинистского тоталитаризма. Потому и возможна борьба внутри Империи и против неё. Позволь тебя подколоть: не думаешь ли ты, что своими картинками классического неоимпериализма подаёшь нам пример дурной тоталитарной диалектики?

Д.Д.: На мой взгляд, борьбу следует вести скорее *против* Империи, противопоставляя глобальный экспансионизм и космополитическую идеологию. В отличие от теоретиков коммунитарного республиканизма, я не жду с ностальгией возвращения национальных государств образца XIX века, хотя и не уверен, что национальные государства всего лишь исторический пережиток. Я разделяю идею Ульриха Бека, что они превращаются в «транснациональные» государства, чьё гражданское общество пересекается множеством агентностей и транснациональных институтов, таких как крупный бизнес, финансовые рынки, информационные и коммуникационные технологии, культурная индустрия и так далее. Для меня очевидно, что государства переосмысливают свои функции, сильнее сосредоточиваясь на вопросах безопасности и внутреннего общественного порядка, как утверждают Пьер Бурдьё и Лоик Вакан. По мнению Томаса Матисена, благодаря огромному потенциалу контроля, предлагаемому новыми технологиями и электронными базами данных, которые составляются без ведома граждан, от «паноптического» государства мы движемся к «синоптическому». Но от «вымирания» государства весьма далеки. Некоторые из них даже становятся сильнее.

А.Н.: Здесь я во многом с тобой согласен и ценю упомянутую тобой литературу. Я тоже считаю, что национальные государства не исчезли. Это очевидно.

Очевидно также, что артикуляция функций всемирного контроля и внутреннего общественного порядка осуществляется национальными государствами. Но утверждение, что многие из функций национальных государств сохраняются, не означает, что национальные государства продолжают существовать в той же форме, не говоря уже о том, чтобы становиться сильнее. Напротив, даже объединение национальных государств, пронизанное транснациональными диспозитивами (в духе Бека), следует рассматривать с точки зрения процессов иерархизации и специализации, характерных для Империи. А это значит, что вопрос универсальных гарантий (глобального) регулирования поставлен *необратимым* образом. Эпохальный переход уже свершился. Наш политический и теоретический выбор делается внутри этого процесса, и поэтому мы должны считаться с этими изменениями и смотреть проблеме в лицо. Допускаю, что ты можешь упрекнуть меня в доктринерстве и нежелании марать руки о реальность международных отношений. Но если это и так, то лишь для того, чтобы сократить дискуссию. В качестве примера я мог бы рассмотреть происходящее в Латинской Америке. Там, где прямое вмешательство Соединенных Штатов кажется наибольшим, я мог бы указать на глубокие связи и альянсы между капиталистическими правящими классами, выходящими за рамки национальных государств. Но об этом мы сказали уже достаточно.

Д.Д.: Я считаю, что во имя многополярного регионализма мы должны задуматься скорее о новых формах мирового баланса (и попытаться создать их), способных уравновесить, а затем ослабить и сокрушить агрессивную стратегическую односторонность имперской власти Соединенных Штатов. В этом смысле важную роль могла бы сыграть Европа, освобожденная от удушающих атлантических объятий, — Европа не столько западная, сколько средиземноморская и «ориентальная». Именно в этом направлении постепенно движутся Юго-Восточная Азия и северо-восточный китайско-конфуцианский блок.

А.Н.: Новые формы глобальной организации, артикулированные в соответствии с многополярным регионализмом, желательны. Собственно, это уже происходит на мировом рынке в ходе процесса, ведущего к построению имперского суверенитета. Я, впрочем, не могу понять, по сравнению с чем этот процесс является более предпочтительным, поскольку ровно то же самое уже и происходит. Проблема скорее в том, чтобы действовать из любой точки внутри Империи, открывая возможности глобальной дестабилизации. Лишь в таких рамках возможна трансформация правил господства и эксплуатации. Отсюда ясно, что я не принимаю саму концепцию «равновесия», являющуюся продуктом иных периодов в истории мысли (которые, как учит нас Музиль, слишком часто оказывались столь же бесплодными, сколь и полными разочарования). Вне зависимости от того, будет ли оно организовано с учетом региональных интересов, речь всегда будет идти не о равновесии, а об иерархии, не о многополярности, а о многофункциональности. Лично я все еще верю в то, что написал по этому вопросу для выступления на конференции в Европейском университетском институте во Фьезоле: что в рамках Империи объединенная Европа могла бы выполнять функцию, подрывающую глобальный порядок, но создать и развить такую функцию можно только снизу, путем мобилизации множеств. У меня больше веры в демократическую силу американских массовых институтов, нежели европейских.

Д.Д.: Хочу добавить, что многополярное равновесие — необходимое условие выполнения международным правом хотя бы минимальной функции сдерживания наиболее деструктивных последствий современной войны. Условие того, чтобы международная нормативная система могла ритуализировать и сдерживать применение силы (обязывая всех агентов подчиняться предписанным процедурам и общим правилам), заключается в том, чтобы ни один агент международного порядка не считал себя и не считался международным сообществом *legibus solutus* на основании своей превосходящей мощи. Иными словами, «построение Империи» необходимо отменить. Империя и международное право отрицают друг друга.

А.Н.: Я согласен: Империя и международное право отрицают друг друга. Но это предпосылка, с которой мы начали. Это необратимое положение дел, и отсюда мой глубокий скепсис по отношению к «припаркам» ооновского интернационализма. Существует обширнейшая литература (которую ты в совершенстве изучил) по вопросу возрождения ООН и построения всемирного «гражданского общества» как потенциального собеседника суверена нового глобального порядка. Даже Всемирный банк, в отличие от других глобальных институций, заигрывал с этой идеей. Однако попытка реактивировать коллективную и нормативную «международную» систему (в вестфальском смысле) не принесла плодов. Даже когда она стремится учитывать субъективные права граждан и наций, групп и ассоциаций, как в случае с созданием великих мировых трибуналов, юридический реформизм уже преодолел классическое международное право. Только на этой территории можно вести борьбу.

Д.Д.: После 11 сентября международная нестабильность усугубилась. Мы стали свидетелями утверждения гегемонистской стратегии перманентной войны, не имеющей ни территориальных границ, ни временных ограничений. Во многом скрытая, она все менее подконтрольна международному праву. Похоже, западные военно-политические элиты сейчас как никогда осознают, что для обеспечения безопасности и благосостояния индустриальных стран необходимо оказывать все большее военное давление на весь мир. Сегодня очевидно, что война в Афганистане была лишь началом тотальной войны против так называемой оси зла: Ирак, несомненно, тоже подвергнется нападению... А народ Палестины продолжит терпеть беспощадные притеснения от сионистского колониализма и империализма. На мой взгляд, стратегическая цель Соединенных Штатов выходит далеко за рамки подавления «глобального терроризма». Цель этой последней оставшейся сверхдержавы — укрепление своей планетарной гегемонии, с тем чтобы обеспечить стабильное военное присутствие в сердце Центральной Азии. Их проект заключается в установлении контроля над обширными энергетическими ресурсами на территориях бывших советских республик Кавказского, Каспийского и Закаспийского регионов, а прежде всего — в окончательном двойном окружении Российской Федерации с запада и Китая с востока. Таким образом, перспектива крайне агрессивного возобновления неоколониальной стратегии — под предлогом борьбы с терроризмом — пугающе актуальна. Между тем вследствие глобализации рынков пропасть, отделяющая богатые и сильные страны от бедных и слабых, ширится с каждым днем. Более миллиарда человек живет в абсолютной нищете, тогда как другой миллиард человек живет в условиях растущего комфорта в мире,

который становится все меньше и в котором у них все больше возможностей творить, что заблагорассудится. С этой точки зрения я не вижу никаких следов объективной исторической диалектики, которая облегчила бы преодоление текущего миропорядка.

А.Н.: Но кто говорит о диалектике? В этом процессе (который ты описываешь более или менее правильно) я вижу лишь необходимость противостоять все более паразитическому и хищническому капитализму, чья легитимность (а также легитимность государств и имперских инструментов, с которыми он постепенно отождествляется) всецело покоится на войне. Фуко и Делёз исчерпывающе обсудили переход от дисциплинарных режимов классического капитализма (в отношении индивидов) к режимам контроля капитализма зрелого (над целыми населенными территориями). Сегодня война становится неотъемлемой частью такого рода легитимации. Тем самым нищета и маргинализация не просто сохраняются, но и постоянно воспроизводятся имперскими войнами. Имперская война определяет новые территориальные и расовые границы. Перед лицом всего этого единственная моя проблема — понять, каким образом можно сопротивляться войне, нищете и эксплуатации. Какой бы верной ни была твоя география господства, мы должны противопоставить ей топологию сопротивления. С этой точки зрения субкоманданте Маркос важнее всей американской «революции в военном деле». Меня интересует Давид перед Голиафом, перед любыми имперскими голиафами: военные назвали бы это «асимметричным сопротивлением». Потому-то и крепнет глобальная структура сопротивления: ведь несмотря на операцию по заграждению, которую неустанно и непрерывно проводят имперские армии, мы продолжаем находить свободные пространства, зазоры и складки, дающие возможность исхода и сопротивления в условиях глобализации.

Революция множества?

Д.Д.: Предлагаю завершить нашу дискуссию одной последней темой — субъекта или субъектов того, что, по вашему с Хардтом мнению, должно стать революцией *внутри* Империи. Термин «революция» я использую в его полном антропологическом смысле, поскольку именно так, по-моему, следует понимать ваш коммунистический проект. Во вполне классическом ключе вы мыслите не только политическую, но и культурно-этическую трансформацию мира.

А.Н.: Революцию мы мыслим не только в этических и политических категориях, но еще и с точки зрения глубокой антропологической модификации: как смешение и постоянную гибридизацию населения — как биополитическую метаморфозу. Первая область борьбы — всеобщее право передвижения, труда и получения образования по всему земному шару. Революция, какой мы ее видим, произойдет не только *внутри* Империи, но и *через* Империю. Направлена эта борьба не против какого-нибудь маловероятного Зимнего дворца (только антиимпериалисты хотят разбомбить Белый дом), а против любых центральных и периферийных структур власти, дабы лишить их этой власти и отобрать у капитала его производственные мощности.

Д.Д.: Субъект этой революции изнутри Империи обозначается у вас как «множество». Я говорю «обозначается» с критическим прицелом: на мой взгляд, «множество» — понятие скользкое, наименее удачное во всем концептуальном арсенале «Империи». Нигде в книге не приводится его аналитического определения, которое основывалось бы на политико-социологических категориях и помогало читателю идентифицировать этот коллективный субъект в определенных социополитических контекстах, какими бы открытыми эти контексты ни были для глобализации. Вместо анализа читатель встречается множество пассажей (особенно с. 329—342) с подчеркнутыми славословиями «власти множества» — его способности «быть, любить, преобразовать, творить» — и его «желанию» эмансипации. Боюсь, этим вы обязаны марксистскому мессианству с его грандиозными политическими упрощениями. Множество предстает некоей быстро исчезающей синопсией пролетариата XIX века — класса, возведенного Марксом в ранг демиурга истории. Говорю это с горечью и без иронии.

А.Н.: Ты справедливо упрекаешь нас в отсутствии адекватного аналитического определения концепции множества в «Империи». Я готов к самокритике, тем более что сейчас мы с Хардтом усердно работаем над этим понятием. Однако мне кажется, что представленную в книге концепцию множества можно понимать с трех разных точек зрения. Первая полемически противостоит двум определениям, которые даются «населению» в рамках современного суверенитета: «народ» и «массы». Мы считаем, что множество — это *многочисленность* сингулярностей, которые никак не могут обрести репрезентативного *единства*. Народ, напротив, есть единство искусственное, необходимое современному государству для обоснования фикции легитимности, тогда как массы — концепт, который реалистическая социология принимает за основу капиталистического способа производства (и в либеральной, и в социалистической формах управления капиталом). В каждом из двух этих случаев происходит редукция к недифференцированному единству. Для нас же люди — это сингулярности, множество *сингулярностей*. Второй смысл множества вытекает из нашего противопоставления этого понятия «классу». Собственно говоря, с точки зрения обновленной социологии труда рабочий все чаще выступает носителем нематериальной производительной способности. Он заново присваивает орудия труда. В нематериальном производительном труде это орудие — мозг (и здесь, стало быть, заканчивается гегельянская диалектика инструмента). Эта исключительная, сингулярная способность к труду объединяет рабочих скорее в множество, чем в класс. И здесь мы, соответственно, находим третью сторону определения, носящую более явный политический характер. Мы относимся к множеству как к политической силе *suī generis*: новые политические категории следует выработать с учетом этой силы, то есть с учетом множества сингулярностей. Мы полагаем, что эти новые политические категории необходимо определить путем анализа *общего*, а не через принцип единства. Но здесь не место продолжать наш анализ: говорю это с изрядной долей иронии.

Д.Д.: На мой взгляд, ваша книга оставляет нерешенными проблемы новых пространств и новых субъектов глобальной борьбы, а также «новых борцов» (*nuovi militanti*), если воспользоваться выражением Марко Ревелли. Ваши предложения указывают на необходимость поднять политическую борьбу до глобального уровня, что вытекает из вашего утверждения об утрате смысла и

эффективности любой деятельности на политических аренах национальных государств. Но вы, по-моему, не уделили достаточного внимания проблеме «деполитизации мира», вызванной огромными возможностями технологий и экономики, — эту проблему настоятельно подчеркивает в своей недавней книге «Две тысячи первый: политика и будущее» («Duemilauno: Politica e futuro») Массимо Каччари. Напротив, в вашем тексте есть пассажи, как будто бы вдохновленные поистине технологическим и индустриалистским, можно даже сказать, лейбористским энтузиазмом по поводу сетевого общества, если прибегнуть к терминологии Мануэля Кастельса. Такое впечатление, что для вас информационно-техническая революция — вектор приближения революции коммунистической.

А.Н.: Мы уделяем много внимания информационной революции. Поступаем мы так, очевидно, потому, что остаемся марксистами и полагаем, что если закон стоимости уже не действует как закон меры капиталистического развития, то труд все равно остается источником человеческого достоинства и сущностью истории. Революция в сфере информационных технологий открывает возможности новых пространств свободы. В настоящее время она же определяет новые формы рабства. Но *обратное присвоение орудий труда* рабочими⁹, сосредоточение валоризации на *кооперации* между когнитивными работниками, расширение знаний и важность науки в производственных процессах — все это определяет новые материальные условия, которые в перспективе трансформации следует рассматривать как положительные. Проблема политической организации должна считаться с *этим* множеством, точно так же как развитие профсоюзов или социалистической партии должны были считаться с разными сменяющими друг друга воплощениями пролетариата. Деполитизация мира крупными державами — событие не только негативное, если направлена она на устранение и/или разоблачение старых сил и форм репрезентации, не имеющих больше никакого реального референта. Сегодня настало время строить «новую сторону» — то есть «новое целое» трудящихся. Назвать это новыми левыми банально: к сожалению, проблема гораздо глубже, а перспективы безнадежны. Время на исходе.

Д.Д.: На мой взгляд, принятие вами термина «множество» — это еще и декларация радикального политического антииндивидуализма. «Империя» требует почти полного исключения европейской либерально-демократической традиции. Боюсь, этот пункт разделяет нас больше всего.

А.Н.: Согласен, что термин «множество» (и то, что он в себе заключает) представляет позицию радикального политического антииндивидуализма. «Империя» подразумевает отказ от традиции собственнического индивидуализма, но я не думаю, что это также означает исключение либерально-демократической европейской традиции: постольку, поскольку при помощи концепции множества мы — в духе Спинозы — призываем к «абсолютной демократии». Проблема для нас, как и для Спинозы, состоит не в объединении изолирован-

9 Немецкое слово «Wiederaneignung» переводят и как «реапроприация», и как «обратное присвоение». В русском переводе «Империи» используется вариант «репроприация». — *Примеч. пер.*

ных индивидов, а в создании форм и инструментов объединения путем кооперации и в движении к (онтологическому) признанию общего. Все от воздуха и воды до компьютеризированного производства и сетей — вот та территория, на которую распространяется свобода: как организовано это общее?

Д.Д.: Я ценю вашу теоретическую смелость и оригинальность в обращении со столь сложными вопросами, но все-таки нахожу неудовлетворительной вашу идею «номадизма» и «смешения народов» как инструментов космополитической борьбы изнутри паразитической хризалиды Империи. Вы утверждаете, что номадизм и смешение народов — оружие, которое можно использовать против подчинения реакционным идеологиям, таким как нация, этническая принадлежность, народ и раса. «Множество» обретает силу благодаря способности циркулировать, «навигировать», контаминировать. На мой взгляд, в вашей позиции по этому вопросу кроется недооценка того факта, что номадизм, смешение народов и культурная креолизация суть плоды огромных миграционных потоков, вызванных растущей международной диспропорцией власти и богатства. Серж Латуш утверждает, что последствия «декультурации», «детерриториализации» и «отрывания от корней планетарного размаха» указывают на реальный провал проекта модернизации и неудачу его прометеевского универсализма.

А.Н.: Я очень рад, что ты признаешь, с определенной долей теоретического энтузиазма, эффективность наших тезисов о номадизме и смешении народов — так, кажется, можно истолковать твои слова. И все же твоя оценка склоняется к пессимизму. Я часто спорил с Сержем Латушем по этим вопросам и должен сказать, что причина моего неприятия его позиции не в ее неистинности, а попросту в том, что в ней, по-моему, слишком много всепоглощающего и катастрофичного. Я не понимаю, зачем высмеивать как «прометеевский универсализм» беженство мигрантов и поиск надежды множеством людей по всему миру. Я не считаю, что мигранты бегут только от нищеты; я думаю, они ищут свободы, знаний и благосостояния. Желание — созидательная сила, которая тем мощнее, если укоренена в бедности. В самом деле, *бедность* не сводится к одним лишь страданиям; это еще и *возможность* множества вещей, указанных желанием и произведенных трудом. Мигрант обладает достоинством человека, взыскующего истины, созидания, счастья. Это сила, которая сокрушает вражескую способность изолировать и эксплуатировать и искореняет — наряду с предполагаемым прометеизмом — все героическое и/или теологическое из поведения бедных и субверсивных. Если уж на то пошло, прометеизм бедняков и мигрантов — соль земли, а номадизм и смешение народов действительно изменили мир.

Д.Д.: Напоследок хочу спросить, хотя и понимаю, как трудно на это ответить: каковы институциональные и нормативные формы того, что вы определяете как «контр-Империю — альтернативную политическую организацию глобальных потоков и обменов»? Вы утверждаете, что это политическая организация, которую «созидательные силы масс... способны самостоятельно создать»¹⁰. Из

10 Хардт М., Негри А. Империя. С. 15.

чего конкретно она складывается? После внимательного изучения вашей книги мне удалось лишь заключить, что политическая форма у нее все равно будет имперская. По-моему, не очень убедительно как в теоретическом, так и в политическом смысле. Однако это особенно показательно для вашей приверженности позиции, весьма напоминающей марксистскую теорию «отмирания государства». Империя — институциональная оболочка, внутри которой произойдет распад государств и их правовых систем, «отмирание», как говорил Ленин. Здесь ваша книга, по-прежнему оставаясь в рамках марксистской ортодоксии, начиная с работы «К еврейскому вопросу», полностью игнорирует доктрину «правового государства» и защиты основных свобод, а также вопросы уважения к политическим меньшинствам и праву народов на самоопределение. Власть множества мыслится в вашей книге как некая неограниченная, глобальная и неослабевающая созидательная энергия: коллективная энергия, которая выражает «власть порождения, желания и любви». «Множество» — своего рода историческая утроба, из которой появятся новый образ жизни и новый вид, устремленные «к homo homo, человеческой природе в квадрате, обогащенной коллективным разумом и любовью сообщества»¹¹. Тебе не кажется, что здесь слишком много профетизма, щедрого wishful thinking (самообмана), чтобы все это могло задавать перспективу сопротивления и борьбы с тем, что нам обоим кажется неприемлемым в том глобализированном мире, в котором мы живем?

А.Н.: Я не знаю, что ответить на твои последние вопросы. У меня такое чувство, что от усталости мы уже не столько приводим аргументы, сколько высказываем впечатления и застывшие идеи. Ты, разумеется, изучил «отмирание государства» у марксистских классиков основательнее, чем я, поскольку меня больше занимали проблемы перехода. Уверен, ты только одобришь, если я скажу тебе, что сегодня все это кажется мне нелепым. Однако я полагаю, что вся доктрина «правового государства» тоже устарела и что нам, если мы не хотим, подобно столь многим донам Ферранте¹², скатиться в пустопорожнее философствование, следует заново пересмотреть тот существенный элемент свободы, который она содержала. Что же, наконец, до будущих действий множества против Империи, то я всецело полагаюсь на мысли и поступки борцов глобальных движений. Поверь мне, они гораздо умнее и способнее, чем были в молодости мы.

Пер. с англ. Нины Ставрогиной

¹¹ Там же. С. 194.

¹² Дон Ферранте — персонаж «Обрученных» Алессандро Мандзони. — *Примеч. пер.*